

ЛЮБИМЫЙ ЖАНР

Моя подруга Лада Каменская, актриса московской областной филармонии, подбивала меня с самой весны: "Поехали в августе на авиньонский театральный фестиваль! Хочу, хочу в Авиньон на фестиваль!" – "Да не выдумывай, зачем?" – "Это ведь так просто, Оля! Обращаемся в любую турфирму, нам там делают визу и самолетные билеты, мы подкапливаем к лету долларов – и летим на фестиваль!"

Какой бред. Мне бы это и в голову никогда не пришло. Отправиться за свой счет, за свой драгоценный счет во Францию, чтобы смотреть там, никем не прошенными, авиньонский фестиваль. Нелепость. Во Францию – дабы уткнуться там в театральный фестиваль. Да разве Франция, далекая, еще не виданная, недостижимая Франция существует для того, чтобы смотреть в ней какой-то театральный фестиваль?

Да еще летом. Когда о театре хочется только забыть. Театр противопоказан лету. Летом я его не выношу. Может быть, причиной тому мои давние счеты с моей театроведческой профессией. Но ведь и сами посудите, что может быть фальшивее, неуместнее, бессмысленнее и непереносимее этого вида искусства в атмосфере лета?

Когда начинается сезон – думаешь о нем с тяжестью. А когда в чужой стране встречаешь здание театра, то войти в него желания не находится. Чужая страна мила и притягательна всем, кроме театра.

Это как же надо в него (театр) верить, чтобы, не пожалев скопленных за год денег, всадить их в добровольное и непростое посещение зарубежного фестиваля!

Очнись, Лада, поехали, если хочешь, просто погуляем по Парижу и его окрестностям!

Нет, не слышит доводов, полетела-таки за свой счет в Авиньон.

И как же надо верить в силу театрального искусства и своего в частности, чтобы потом рассказывать мне, как она экспромтом дала мини-концерт, читая Пушкина и Шекспира в авиньонском Центре Европейской Поэзии для двух слушателей – директора и методиста. "Мне посчастливилось", – написала она в своих путевых заметках, которые потом дала мне почитать. – "Я оказалась в этом Центре. Он хранит манускрипты поэтов из разных стран, устраивает выставки и концерты. Ну, как было не выступить? Два сонета Шекспира. В оригинале (простите мне мою смелость!) и в русском переводе – Маршака. Директор Мари Тованнир слушает внимательно мелодику незнакомого языка и просит еще по-русски. Конечно же, Пушкин! "Что в имени тебе моем..." Они вдвоем, Мари и методист Синтия – мой зрительный зал в Авиньоне".

Заметки эти – шестнадцатистраничное сочинение под названием "Мой Авиньон", любовно отпечатанное на машинке. "Как ты думаешь, Оля, а можно его где-нибудь опубликовать?" – "Думаю, нельзя нигде. И, главное, не нужно. Никому".

"У меня была идея, неудержимое желание – Авиньон! Международный театральный фестиваль. Не жди приглашения. Не пригласят. Значит, поеду, полечу, пойду. Хоть пешком. Потому что хочу. Так хочу. Французский язык не учи-

ла, не знаю. Друзья снабдили разговорником и словарем, и песенку про Авиньон вместе выучили – по-французски..."

Ах, Лада, давай с тобой лучше поедем в любую прекрасную (все страны прекрасны) страну. Будем по ней гулять, вдыхать, озираться, любоваться, смеяться и плакать. Встанем в солнечный день в час прилива на площади Сан Марко, встанем по щиколотки в воде, будем есть марципаны, кормить голубей, фотографироваться и плакать – и это, пожалуй, именно то, что нужно для счастья.

Теперь история номер два. Про Гаврилину Иру, хрупкую девушку неземной красоты. Фотографии Гаврилиной Иры в бытность ее актрисой театра Александра Демидова печатались и в "ЭС" в качестве иллюстраций к моей статье об этом театре. Запечатленная в сценах из спектаклей "Детские игры" и "Герл", она там диво как хороша. Самая талантливая демидовская ученица. О том, что и как она играла в "Аглавене и Селизетте", "Андеграунде" и "Болеро", много писали, публикуя снимки соблазнительной юной принцессы, подобно Ундине, пролетевшей сквозь все демидовские постановки. Словом, это была звезда его сцены.

Но все когда-то кончается, и вот уходит из жизни Демидов, оставив свою труппу в сиротстве и полной растерянности. После недолгих раздумий, маленькая Ира (словно бы больше было некому!) возглавила театр имени Демидова сама, возложив на свои девичьи плечики то, что и дюжему режиссеру-мужу едва по силам. Идем дальше. Театру, естественно, нужно какое-то помещение, репетиции, склад для костюмов и декораций, зарплата актерам, аренда площадок, афиши, реклама и прочее. Что делает Гаврилина Ира, чтобы достать на все это денег? Продает свою двухкомнатную квартиру, добывая на вырученное и помещение для репетиций, и склад для костюмов и декораций, и зарплату актерам, и аренду площадок, и афиши, и рекламу. Надол-

Московские безумцы

го ли хватает этих денег? Нет, не долго? Может ли в наше время маленькая хрупкая девочка одна, без спонсоров держать театр? Нет, не может. И все закончилось естественным путем.

Теперь Гаврилина Ира учится на режиссуре в Щукинском. И теперь она, как вы догадываетесь, давно уже нигде не живет. У нее нет прекрасного дома, который был когда-то. Она снимает углы то там, то сям за доллары, которые надо еще как-то заработать. О проданной когда-то квартире вспоминает без сожалений. "Но ведь мне же все-таки удалось на какое-то время раскрутить наш театр! И мы все были счастливы тогда", – так отвечает она мне каждый раз на мою отчаянную ругань по поводу совершенного поступка.

Мне кажется, все это интересно и поучительно. Вот вам личности романтического сознания в супер-прагматичные времена, узкий круг безумцев. Вот вам пафос нищей актрисы-одиночки, рванувшей на последние деньги в страну, в которой никогда больше не будет, чтобы посидеть там на жестких театральных стульях, и найти в том полное удовлетворение, и никому потом не предъявить счета. Вот вам подвиг такой же нищей и такой же отчаянной одиночки, отдавшей все, что у нее было, подчистую, ради театра – и тоже счета потом никому не предъявившей. Что это, если не безумие?

Ольга ИГНАТЮК

Экран и сцена - 1998 - окт. (№ 41) -